

ГЕОРГИЙ РАМАЗАШВИЛИ

Опасный прецедент

О роли адвокатов в исходе
одного историко-архивного дела

13 сентября 2009 года на квартире профессора Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ПГУ), доктора исторических наук Михаила Николаевича Супруна был произведен обыск. Далее последовали обыски на рабочем месте профессора, дома у его аспирантки Надежды Шалыгиной и в архиве Информационно-аналитического центра (ИАЦ) УВД по Архангельской области. Помимо компьютеров и фотоаппаратов было изъято множество материалов, собранных М. Н. Супруном в различных российских и зарубежных архивах, — в том числе и по темам, не связанным с проектом, из-за участия в котором он оказался под следствием.

К тому моменту ученый заведовал в ПГУ кафедрой отечественной истории на Историческом факультете и опубликовал уже более 130 научных статей, а также монографии «Ленд-лиз и северные конвои», «Люфтваффе под Полярной Звездой» (в соавторстве с Р. И. Ларинцевым), «Освобождение Восточного Финнмарка, 1944—1945 гг.» (в соавторстве с А. и В. Гертер), «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX — начале XX века» (в соавторстве с С. Я. Косухиным).

Вторым фигурантом дела стал архивист, начальник Информационно-ана-

литического центра областного управления МВД полковник внутренних дел Александр Васильевич Дударев, с 2007 года помогавший М. Н. Супруну собирать архивные материалы для книги памяти, посвященной судьбам этнических немцев, переселенных после войны в Архангельскую область. Проект осуществлялся на основе договора, подписанного ИАЦ УВД АО, ПГУ и Германским Красным Крестом. В основу книги памяти, аналогичные которым германская сторона составляла прежде во взаимодействии с другими региональными управлениями МВД России, должны были лечь биограммы, составленные на репрессированных, а также анкеты и справки об амнистии. Работая над проектом, М. Н. Супрун успел передать германским партнерам лишь 2 тысячи биограмм; еще 6 тысяч были экспроприированы у него при обыске в сентябре 2009-го.

После того как архангельские следователи, пытаясь подобрать компромат, разрабатывали одну за другой самые разные версии обвинения — от принуждения к сожительству студентов (жертв попросту не нашлось) до шпионажа и разглашения государственной тайны, — дело передали в Петербург старшему следователю по особо важным делам ОСК СЗО Жукову, опросившему ряд опытных архи-

вистов о том, как регулируется доступ к персональной информации. В середине 2011 года Жуков передал дело в суд по статье 137 УК, на основе которой М. Н. Супруна обвинили в попытке незаконного сбора сведений, составляющих личную тайну. Слушания проходили в Октябрьском районном суде города Архангельска. 8 декабря судья Паламодова признала профессора виновным в нарушении части 1 статьи 137 УК РФ и освободила от наказания за истечением срока давности, а полковника милиции А. В. Дударева на основании части 1 статьи 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) приговорила к году условно. 28 февраля 2012 года Кассационная коллегия Архангельского областного суда оставила это решение в силе.

Архангельский процесс продемонстрировал степень беззащитности как архивистов, так и российских историков, работающих с архивными материалами и разрабатывающих проблемы истории XX века (особенно, если они взаимодействуют с зарубежными партнерами), перед лицом элементарного административного произвола. Поскольку дело в Архангельске уже проиграно, сейчас, не опасаясь навредить А. В. Дудареву и М. Н. Супруну, следует проанализировать действия защиты в этом беспрецедентном (точнее — опасно прецедентном) процессе. Это не так просто, поскольку слушания были закрыты для прессы, а сами адвокаты ни во время следствия, ни с началом слушаний не сочли нужным выпустить ни один пресс-релиз, который помог бы журналистам разобраться в терминологических и юридических тонкостях процесса. К тому же адвокаты не стремились предотвратить публикацию в СМИ весьма тенденциозных материалов, хотя от позиции журна-

листов в немалой степени зависит тот эффект, который дело А. В. Дударева и М. Н. Супруна окажет на условия работы в архивах в самых разных регионах России.

Однако — все по порядку. Как только следственные материалы передали в прокуратуру, в дело вступил юрист И. Ю. Павлов, являющийся председателем совета расположенного в Петербурге Института развития свободы информации¹. В 2001-м он входил в адвокатские коллективы, защищавшие обвинявшихся в разглашении военной тайны военных журналистов Александра Никитина и Григория Пасько. Вскоре известный адвокат-правозащитник Ю. М. Шмидт, аспирантом которого некоторое время являлся Павлов, предпочел расстаться со своим учеником. По версии Шмидта, он попросту уволил молодого ученика за действия, несовместимые с профессиональной этикой адвоката; по версии же самого Павлова, они разошлись потому, что двум большим личностям было слишком тесно вместе. В дальнейшем Павлов получил известность в качестве специалиста по делам, связанным с разглашением государственной тайны. На руку адвокату играет и то, что обстоятельства его конфликта со Шмидтом известны лишь профессионалам. По непонятным причинам петербургские правозащитники, подключившие Павлова к делу М. Н. Супруна, не сочли нужным предупредить профессора о неоднозначной репутации адвоката. Будь историк проинформирован заранее, возможно, процесс развивался бы по иному сценарию.

Хотя на кону стоит правоприменительная практика по делам архивных исследователей на ближайшие несколько лет, очевидным упущением симпатизирующих М. Н. Супруну

¹ Официальный сайт с личными данными И. Ю. Павлова см. www.svobodainfo.org/ru/node/1167

общественных организаций (в частности, Петербургского «Мемориала») стало предоставление Павлову абсолютного кредита доверия в ситуации, при которой было бы уместнее требовать от него предварительного обсуждения принимаемых решений в общественном совете или коллективе юристов.

Похоже, что еще до слушаний Павлов уверовал в то, что исход суда никак не повлияет на судьбу профессора. Крайне сомнительными выглядели заверения адвоката, согласно которым, дескать, формально Супрун ничем не рискует. Даже если приговор будет носить обвинительный характер, он будет предполагать освобождение от реального наказания в силу истечения срока давности деяния. При этом адвокат словно бы забыл, что жизнь его подзащитного не завершается на судебном процессе: у самого профессора М. Н. Супруна нет уверенности в том, что ему удастся сохранить позиции в Поморском университете, тем более что, несмотря на в целом солидарную позицию преподавательского состава, у него есть и свои оппоненты.

Еще 3 октября 2011 года, то есть в самом начале слушаний, Павлов подал в суд ходатайство с просьбой освободить его и его подзащитного от участия в процессе, поскольку это позволит суду быстрее закончить судебное следствие и вынести приговор. Удовлетвори судья это решение, и А. В. Дударев со своим адвокатом Владимиром Моревым остались бы наедине с судом без всяких союзников. Шансы были велики, поскольку в тот же день, практически не скрывая, что не намерен бороться за оправдание подзащитного, Павлов в интервью объявил, что готов к любому исходу: более того, чем хуже — тем лучше².

Порой Павлов забывал о ранее сделанных заявлениях, и тогда картина рисовалась парадоксальная: «...мы вообще хотели игнорировать эту стадию процесса. <...> Думаю, они пожалели, что оставили меня в процессе. Им надо было разрешить мне не участвовать. В этом царстве спокойствия я нарушаю все каноны»³. Звучит вдохновенно, если не учитывать, что Павлов сам просил суд освободить его от участия в слушаниях, и, соответственно, суд ничего не мог ему «разрешить».

Продекларированное Павловым нежелание ходатайствовать перед судом о направлении дела на дополнительное расследование (хотя он сам признает, что основания для этого существуют) вкупе с попыткой уклониться от участия в слушаниях означали, что адвокат с самого начала стремился к поражению своего подзащитного. Ведь Павлов не мог не понимать того, что в отсутствие не только обвиняемого, но и защитника вынесение оправдательного приговора М. Н. Супруну стало бы практически невозможным. В то же время проигрыш дела при активной позиции стороны защиты мог продемонстрировать подлинную (а не мнимую!) квалификацию адвоката. Поэтому Павлов выбрал беспроигрышную для себя позицию, которая заранее позволяла «списать» обвинительный приговор исключительно на предвзятость провинциального суда.

Если адвокат полагал, что судьи из-за своей ангажированности или же низкой квалификации не справляются со своими обязанностями, он мог бы дать отвод судье либо обратиться в квалификационную коллегия судей. По непонятным причинам Павлов предпочел к этим приемам не прибегать, рассказывая в первые же дни слушаний

² Полную «павловскую» версию происшедшего см. www.svobodainfo.org/ru/node/1640

³ www.cogita.ru/syuzhety/arhangel'skoe-delo-professora-supruna/arhangel'skoe-delo-sud-idet

и за два месяца до вынесения приговора, как он поучал суд и с самого начала проявлял безразличие к тому, как будут проходить слушания: «Мы еще указали на ряд недостатков в обвинительном заключении и заявили, что для нас рассмотрение этого дела не представляет никакого интереса»⁴.

Стоило слушаниям начаться, а «правозащитник» уже продекларировал безразличие к его исходу: «Нам все равно, как вы будете рассматривать дело... проводите его, как хотите. Я возьму с собой книжку кроссвордов, если вы хотите, чтобы я для мебели здесь присутствовал. ...Я считаю этот процесс лишенным какого-либо смысла и основания. Он ничего не даст, он ничего не принесет»⁵.

Доказательная база, выстроенная Павловым, представляется безупречной. Так, остается непонятным, почему в адресованном суду ходатайстве от 3 октября 2011 года адвокат, лишь вскользь упомянув тайну усыновления, медицинскую или банковского вклада, не счел нужным разъяснить, что использовавшиеся в составленных М. Н. Супруном биограммах сведения не включали данные, которые можно было бы классифицировать как составляющие личную тайну. Возможно, было бы разумнее не столько упрекать суд в отсутствии в обвинительном заключении «указания на конкретные виды тайн со ссылками на соответствующие охраняющие эти виды тайны федеральные законы», сколько на примере составленных М. Н. Супруном биограмм показать, что они не содержат сведений, которые можно было бы классифицировать, как, например,

тайну усыновления либо тайну медицинскую. Поскольку речь шла не об абстрактном понимании категории «личная тайна», а о классификации информации, собранной М. Н. Супруном в рамках научного проекта, уместнее было разобраться в том, насколько предоставленные историку в ИАЦ УВД АО данные могут содержать сведения, подпадающие под квалификацию видов тайн, зафиксированных в российском законодательстве.

Представляется спорным и намерение адвоката, никогда не работавшего в архивах, сводить проблему только к юридической теории, уходя от детального обсуждения проекта, который А. В. Дудареву и М. Н. Супруну так и не дали довести до конца. Судя по упоминаниям в прессе, и полковник Дударев, и его адвокат В. К. Морев подробно объясняли суду именно методический аспект архивной работы.

Но хотя для обвиняемых суд складывался не лучшим образом, в комментарии и адвоката были исполнены самолюбования: «Вот нет контраргументов против того, что мы говорим». И далее: «...я на свои вопросы получаю ответы, которые ставят обвинение просто в тупик. <...> Сначала ее допрашивала прокурор, потом суд и потом <...> Я поговорил с нею более глубоко и задавал ей вопросы, которые, на мой взгляд, в чем-то открывали ей глаза на те вещи, о которых она не думала раньше. <...> Мне показался скучноватым этот допрос, я решил внести в него некоторый драматизм. <...> Я представил суду наше обращение в Конституционный суд. <...> Случился переполох. Меня попросили: “Давайте вы ваше ходатайство заявите позже, в ноябре”. Я говорю: “Нет. Сейчас. Сегодня”»⁶.

Похвальная готовность Павлова поработать в суде мебелью несколько не увязывается с попытками, которые не

⁴ www.cogita.ru/syuzhety/arhangel'skoe-delo-professora-supruna/eto-delo-segodnya-pohozhe-na-spuschennyi-pod-otkos-parovoz

⁵ www.cogita.ru/syuzhety/arhangel'skoe-delo-professora-supruna/eto-delo-segodnya-pohozhe-na-spuschennyi-pod-otkos-parovoz

⁶ Там же.

только А. В. Дударев, но и М. Н. Супрун (пока последний не уступил уговорам своего адвоката) предпринимали для того, чтобы, если и не в зале судебных заседаний, то хотя бы в коридоре как-то объяснить свою позицию «потерпевшим». Эта позиция разительно отличается от тактики, выбранной адвокатом В. К. Моревым, посвятившим свое последнее выступление подробному анализу несостоятельного обвинения. В то время как адвокат полковника Дударева старался избегать комментариев, которые могли бы навредить исходу дела, и до последнего момента делал все от него зависящее, чтобы отстоять своего подзащитного, его коллега рассуждал о том, что будет читать судьям мораль, напоминая им «о совести».

Почти водевильно выглядело поведение адвоката, не нашедшего ничего лучше, как в последний день слушаний «поблагодарить всех участников процесса за то, что “все прошло сравнительно быстро и без вопиющих процессуальных нарушений”», сделать комплимент государственному обвинению, проявившему «процессуальную осторожность». Потчужа такими комментариями сайт www.cogita.ru, адвокат явно забывал о том, что он не возглавляет квалификационную коллегия судей, а потому на слушаниях от него требовалось не столько давать снисходительные оценки молодой судье и прокурору, сколько выполнять свои адвокатские обязанности.

Чрезмерные надежды на то, что исход дела будет решаться не в Архангельске, а в столицах, уже привели к тому, что Павлов не смог в районном суде переиграть даже приглашенную в качестве эксперта сотрудницу Архивного комитета Санкт-Петербурга М. В. Мишенкову. Как выяснилось из ее показаний, «при определении критерия, что является личной и семейной тайной», М. В. Мишенкова, работающая в архив-

ной системе с 1978 года, «исходит из того, что это могут быть сведения, порочащие человека... либо информация, которая может причинить ущерб репутации». Осознавая важность того, как суд интерпретирует понятие «личная тайна», Павлов предпочел искать ему определение в Конституционном суде, а не в Архангельске. Хотя он и задал М. В. Мишенковой несколько вопросов, но, похоже, стремился не столько ее переубедить, сколько получить повод рассказать вслед за этим журналисту о том, как своими вопросами «поставил» архивистку «в ступор»⁷.

Вместо того чтобы упражняться в умении производить психологический эффект, адвокату следовало бы сконцентрироваться на аргументации, но, судя по его интервью, она не показалась М. В. Мишенковой настолько убедительной, чтобы та заняла позицию, более приемлемую для стороны защиты. Между тем из представленного в суде явно превратного толкования понятия «личная тайна» следует, что упоминание о любом преступлении, совершенном гражданином, придется теперь засекретить, поскольку эти сведения безусловно «порочат человека» — будь то казнокрад, маньяк-убийца и т. п. Однако именно на этот абсурд Павлов, судя по его интервью, внимания суда и не обратил. В результате, юридически несостоятельная трактовка М. В. Мишенковой легла в основу обвинения и была воспроизведена в приговоре от 8 декабря.

Сложно избавиться от впечатления, что Павлов провоцировал суд вынести обвинительный приговор, откровенно пренебрежительно отзываясь о проходящих слушаниях. Например, анонсируя в интервью назначенные на следующий день прения сторон, которые будут предшествовать вы-

⁷ www.cogita.ru/syuzhety/arhangelskoe-delo-professora-supruna/arhangelskoe-delo-sud-idet

ступлению государственного обвинителя, он заявил: «Мы будем говорить о совести. О законе говорить больше нечего»⁸.

Ряд своих заявлений для прессы Павлов сделал явно необдуманно, видимо, надеясь на то, что у журналистов не будет альтернативных источников информации. Так, в интервью, опубликованном 3 октября 2011 года на сайте www.cogita.ru, рассказывая о выступлении свидетельницы Келаревой, адвокат утверждает, что она «обвинению ни в чем не помогла». Между тем, поскольку речь идет о показаниях, по-

она узнала, что та высказала Супруну М. Н. свою точку зрения о том, что он копирует дела спецпоселенцев немецкой национальности незаконно... Личные дела немецких спецпоселенцев подпадают под категорию архивных дел ограниченного доступа, с которыми ознакомление до истечения срока 75 лет разрешается только самим спецпоселенцам либо, в случае их смерти, их наследникам, близким родственникам или другому лицу, но при наличии доверенности».

Если адвокат считает, что такими показаниями свидетельница обвинению «не помогла», то возникает вопрос: какими же еще репликами Келарева могла помочь прокурору в большей степени? И почему, несмотря на то, что вопросы к ней возникали, Павлов решил такую свидетельницу «даже и не допрашивать»? В итоге остается неясным, с чего архивистка взяла, что «све-

Сложно избавиться от впечатления, что Павлов провоцировал суд вынести обвинительный приговор, откровенно пренебрежительно отзываясь о проходящих слушаниях.

лученных от начальницы отдела спецфондов ИАЦ УВД АО, Павлову следовало бы слушать ее с особым вниманием, ведь она являлась заместительницей одного из обвиняемых. Адвокат же, напротив, воздержался от вопросов.

Однако текст приговора, вынесенного 8 декабря А. В. Дудареву, позволяет усомниться в интерпретации, предложенной адвокатом Павловым: «Свидетель Келарева О. В. в судебном заседании показала, что... в 2006—2007 годах у нее состоялся разговор с Дударев[ым] А. В., к которому она сообщила ему, что сведения из дел немецких спецпоселенцев не могут предоставляться для ознакомления и копирования Супруну и Шалыгиной... Со слов сотрудницы Голышевой Н. Н.

дения из дел... касаются частной жизни граждан»? Почему, если Келарева считала, что Дударев незаконно предоставляет историкам документы, она не потребовала от него письменного приказа, который позволял бы ей хотя бы частично снять с себя ответственность за якобы противоправные действия начальника? Эти вопросы показали бы, что свидетельские показания небесспорны, и тем не менее Павлов расспрашивать Келареву не стал.

Действия адвокатов, особенно на заключительной стадии слушаний, согласованы не были, поэтому адвокаты Морев и Павлов выбрали две принципиально разные тактики поведения, очевидно, добиваясь разного исхода слушаний для своих подзащитных. Хотя Павлов не скрывал, что оправдание М. Н. Супруна привело бы и к оправданию А. В. Дударева, поскольку

⁸ См. www.cogita.ru/syuzhety/arhangelskoe-delo-professora-supruna/sud-idet-svoim-cheredom

ку превышение полномочий архивисту удастся вменить в вину лишь в той степени, в какой будет доказано, что проводимая при его помощи исследовательская работа нанесла ущерб пострадавшим, адвокат еще за полтора месяца до вынесения приговора заявил «Немецкой волне», что «обвинительный вердикт в деле Михаила Супруна предпочтительнее»⁹.

То же самое он объяснял и автору настоящей статьи, уточняя, что только обвинительный приговор позволит ему, адвокату, обратиться в Конституционный суд. Эта тактика была бы, возможно, и оправданной, не зная Павлов, что, жертвуя Супруном ради теоретической (но еще отнюдь не завоеванной!) отмены статьи 137 УК, он усложняет задачу защищающему полковника А. В. Дударева адвокату В. К. Мореву. Последовательное стремление последнего до конца отстаивать интересы своего подзащитного свидетельствовало о том, что он не разделяет подход «осуждение в обмен на статью». Симптоматично, что, по словам В. К. Морева, он воспринял попытку Павлова не участвовать в процессе как готовность пожертвовать интересами полковника Дударева.

Косвенным свидетельством того, что Павлов осознанно жертвовал интересами архивиста, может быть и то, что, когда начались слушания, он предложил М. Н. Супруну отказаться от услуг Любови Коростылевой, являющейся президентом Архангельской областной Коллегии адвокатов. С подавляющей вероятностью, она, хорошо зная местное судейское сообщество, могла добиться иного результата, нежели приезжающий из Петербурга Павлов. Между тем в разговоре со мной М. Н. Супрун признавался, что Коростылева здорово ему помогала и придавала силы.

И даже такой по-своему циничный подход, подразумевающий, что двое могут быть принесены в жертву ради якобы отвечающей корпоративным интересам историко-архивного сообщества отмены статьи 137 УК, был бы понятен, не объявляй адвокат Павлов о своей тактике в разных интервью. На многих историков произвело тягостное впечатление, что, раскрывая в разных интервью свою линию, адвокат практически сообщал организаторам дела, что им выгоднее будет оправдать М. Н. Супруна, чем создавать пускай только теоретическую возможность обжаловать ту статью УК, которая сейчас висит, как домоклов меч, над исследовательским сообществом и архивами.

Судьям, представителям прокуратуры и заинтересованным кураторам дела практически предлагалось выбрать между тем, что для них предпочтительнее: осудить историка, но сделать возможным обжалование статьи 137, или же оправдать его, но зато сохранить в руках идеальное оружие психологического воздействия на архивистов. Это общение через прессу напоминало определенный торг, при котором заказчики дела, проигрывая тактически, одерживали бы стратегическую победу, сохраняя необходимый для запугивания архивистов юридический инструментарий, зато адвокат получал бы возможность записать на свой счет оправдание М. Н. Супруна.

Такая позиция не может не вызывать удивления, поскольку невозможно проявлять заинтересованность в обвинительном приговоре и одновременно посылать через прессу завуалированные предложения довольствоваться статусом-кво с оправдательным приговором. В таком случае статья 137 становится всего лишь разменной монетой, позволяющей адвокату, несмотря на возможные недоработки,

⁹ www.dw-world.de/dw/article/0,,15483120,00.html

проявившиеся в слушаниях, получить лавры спасителя преследуемого историка. И не исключено, что Павлов был услышан: если 18 ноября прокурор потребовал оштрафовать М. Н. Супруна на 150 тысяч рублей, а А. В. Дударева осудить на 2 года условно, то 8 декабря профессора, хотя и признали виновным, освободили от наказания, тогда как полковника осудили лишь на 1 год условно.

Сейчас адвокат получил возможность обратиться в Конституционный суд, но перспективы этого дела туманны, поскольку его ходатайство «признать несоответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (ч. 1), 19 (ч. 1), нормативные положения статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации, касающиеся понятий “личной и семейной тайны”», едва ли согласятся удовлетворить — по крайней мере, до того, как появится нормативно-правовой акт, который компенсировал бы отсутствие этой статьи.

Намерение Павлова добиваться в КС признания статьи 137 УК противоречащей Конституции заслуживает особого обсуждения. Хотя эта статья легла в основу обвинения, следует понимать, что неправомерной является не сама статья, а ее применение по отношению к историко-исследовательской работе. Сложно поверить в то, что адвокат Павлов настолько лишен адекватного представления о российской действительности, что действительно полагает ненужной статью Уголовного кодекса, запрещающую вторгаться в личную жизнь. Поскольку не все знают содержание статьи 137, уместно пояснить, что ее положение, вызывающее протесты у Павлова, направлено против «незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих

его личную или семейную тайну». Хотя четкого определения личной и семейной тайнам пока не дано, из этого вовсе не следует, что нужно добиваться отмены этих терминов, а не их уточнения. Между тем было бы лукавством утверждать, что невозможно хотя бы частично конкретизировать категории сведений, составляющих, например, семейную тайну. Безусловно, например, информация о генетически воспроизводимой в той или иной семье болезни, равно как и данные об усыновлении не только могут, но и должны рассматриваться, как соответствующие смыслу термина «семейная тайна». Адвокату Павлову и самому уместно задаться вопросом, хочет ли он, чтобы информация о какой-то врожденной болезни, которая может встречаться у его родственников или друзей, стала бы достоянием посторонних лиц, не работающих в системе здравоохранения. И захочет ли адвокат, чтобы эти сведения циркулировали, если заведомо известно, что свободный доступ к ним может спровоцировать в ряде случаев откровенное дискриминирование по признаку наличия какой-то болезни.

Осталось лишь дожидаться того, как на дисках либо в Сети появится информация об усыновлении либо данные из картотек медицинских учреждений, и тогда ничего «личного» или «семейного» у граждан не останется вообще. Ни для кого не секрет, что в России уже можно свободно купить базы данных паспортно-визовых служб, ГАИ, а также сведения о недвижимости. Отмена статьи 137 будет означать, что открытая продажа информации, имеющей отношение к частной и семейной жизни граждан, будет производиться абсолютно безнаказанно.

Вместо того чтобы, как это предлагает, например, заместитель председателя Совета Научно-информационного и просветительского центра общества

«Мемориал», историк Н. В. Петров, добиваться внесения поправки, которая бы указывала, что под обладателями личной и семейной тайны понимаются ныне живые и здравствующие граждане, Павлов считает нужным добиваться упразднения статьи, не предлагая, по сути, никакой альтернативной формулировки.

Адвокату удалось внушить и своему подзащитному, и следящим за делом историкам, что попытка отменить статью 137 стоит проигрыша дела в Архангельском райсуде. Однако всерьез реалистичность сформулированного Павловым проекта никто не обсуждал. Остается лишь догадываться о том, что может стать «голом престижа», если пока неясно, согласится ли КС рассматривать вопрос о правомерности использования статьи 137 УК в обвинении А. В. Дударева и М. Н. Супруна.

Предпринятая ранее ИРСИ попытка добиться в Верховном суде отмены ряда параграфов утвержденного совместным приказом Минкульта, ФСБ и МВД за № 375/584/352 от 25 июля 2006 года «Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», завершилась скромными результатами. Иск, поданный историком Н. В. Петровым, удовлетворен не был, хотя в Определении появилась формулировка, которая, по мнению Павлова, в дальнейшем усилит позицию исследователей, обращающихся в архивы.

Между тем в Верховном суде решался вопрос о том, удастся ли лишить архивистов возможности ограничивать с помощью этого Положения доступ к значительному комплексу документов. Предпринятая Павловым попытка до-

биться результата, сведя комплексную правовую проблему к сомнительному содержанию лишь пары параграфов, себя не оправдала, поскольку не только не облегчила истцу доказательство очевидного несовершенства приказа, но и могла создать у сотрудников Верховного суда превратное представление о том, что в целом этот подзаконный акт написан корректно, за возможным исключением отдельных положений.

Для того чтобы стали понятны риски, сопряженные с проигрывшем юристами ИРСИ этого дела в Верховном суде, необходимо перечислить ряд существенных недостатков обсуждаемого приказа. Хотя в статье 21 «Защита информации» Федерального закона № 24 от 20 февраля 1995 года «Об информации, информатизации и защите информации» говорится, что «режим защиты информации устанавливается: <...> в отношении персональных данных — федеральным законом», авторы приказа № 375/584/352 никак не мотивировали необходимость появления дополнительного Положения, регулировавшего бы доступ к судебносудебным и фильтрационно-проверочным делам.

Вопреки тому, что статья 24 ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» гарантирует «предоставление пользователю <...> справочно-поисковых средств и информации об этих средствах», пункт II.12 Положения ставит «доступ пользователя к научно-справочному аппарату» в зависимость от «порядка, определенного государственными органами, подведомственными архивы которых осуществляют хранение названных категорий дел».

Пунктом II.7. Положения нарушается принцип равенства граждан перед законом, поскольку в тех случаях, «если производство по делу велось в отноше-

нии нескольких лиц», ограничивает доступ лишь документами, «касающимся только того лица, обращение в отношении которого рассматривается архивом». Учитывая, что статья 18 закона «О реабилитации жертв политических репрессий» предписывает посписочную публикацию сведений о жертвах террора, очевидно, что законодательством не предусматривается расчленение комплексной информации о коллективном деле на разрозненные и не взаимосвязанные случаи.

Очевидно также, что исследователи не смогут получить доступ к документам дел, заведенных на лиц, у которых не осталось родственников из-за событий, связанных со Второй мировой войной либо массовыми репрессиями. Соответственно, приказ № 75/584/352 и Положение дискриминируют эту категорию репрессированных по принципу пресечения рода.

Ключевым для оспаривания приказа следует назвать пункт II.9, запрещающий предоставлять исследователям документы, содержащие информацию с персональными данными лиц, в отношении которых производство по делам не осуществлялось, но сведения в деле имеются. Очевидно, что под этой категорией фигурантов дел подразумеваются как свидетели обвинения, так и лица, допрашивавшиеся в ходе следствия. Получается, что Положение скрывает информацию о лицах, принимавших участие в масштабных политических репрессиях, квалифицированных российским законодательством (см. ФЗ №1761-1 от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий») как «многолетний террор и массовые преследования своего народа», «несовместимые с идеей права и справедливости».

Соответственно лица, причастные к массовому террору, не должны выводиться из-под ответственности под

предлогом «защиты» их персональных данных, тем более что статья 18 этого же закона провозглашает, что «признанные в установленном порядке виновными в преступлениях против правосудия работники органов ВЧК, ГПУ—ОГПУ, УНКВД—НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссий, “особых совещаний”, “двоек”, “троек”, работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати».

В связи с этим становятся неуместными и ссылки на ФЗ №144 от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку закон в статье 12 хотя и защищает тайну сотрудничества с органами, но в пункте 17 запрещает лицам, привлекаемым к «подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий, <...> предоставлять заведомо ложную информацию <...> органам», осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, лжесвидетельства, зачастую ложившиеся в основу следственных мероприятий и последующего приговора следует рассматривать как преступление, сопряженное с нарушением статьи 17 закона № 144. Удивительно и то, что юристы МВД, ФСБ и Минкультуры, составлявшие совместный приказ, сославшись на ФЗ №144, проигнорировали положение статьи 5 данного закона, запрещающей «органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» <...> проводить оперативно-розыскные мероприятия в

интересах какой-либо политической партии». Между тем массовые политические репрессии пришлись преимущественно на период функционирования однопартийной политической системы, при которой репрессии осу-

ществлялись в интересах не имевшей конкурентов партии-гегемона.

И наконец, авторы приказа умудрились допустить в пункте II.8. Положения серьезное внутреннее противоречие:

Номер пункта и декларируемое им намерение

а) исключить ознакомление пользователя с документами, содержащими сведения, доступ к которым ограничен законодательством Российской Федерации.

б) обеспечить <...> ознакомление пользователя с документами дел, содержащими сведения о личной и семейной тайне, фактах, событиях, обстоятельствах частной жизни <...>, реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, позволяющими идентифицировать их как личность <...>, за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных действующим законодательством Российской Федерации случаях.

Поскольку оставалось непонятно, почему, в одном пункте «исключая» ознакомление со сведениями, доступ к которым ограничен законодательством, в следующем пункте приказ все же «обеспечивает» к ним доступ, я обратился за разъяснениями в Федеральное архивное агентство (Росархив). По моему предположению, где-то в тексте пункта «б.б.» при публикации была потеряна частица «НЕ», однако Агентство (исходящий №Р/Р-530 от 23.11.2009) заверило меня в том, что никакой опечатки нет: «... Росархив согласен с Вами, что в контексте п. 6 Положения, на первый взгляд, данное исключение лишено логики, но толковать подпункт б) п. 6 можно и таким образом:

Если сотрудники архива обязаны обеспечить ознакомление пользователя с документами дел, содержащими сведения “о личной и семейной тайне...”, то со сведениями, подлежащими распространению в средствах массовой информации, пользователь вправе ознакомиться сам в читальных залах архивов, запросив документы в установленном порядке».

Ответ Федерального архивного агентства означал, что Положение требует перевода с ведомственного языка на юридический. В связи с этим заслуживают внимание и обстоятельства,

при которых Павлов стал представлять интересы историка Н. В. Петрова, пытавшегося добиться отмены совместного приказа Минкульта/ФСБ/МВД. В сообществе историков стали активно обсуждать эту затею зимой 2009—2010 годов. Тогда же появился подробный анализ приказа, который был разослан заинтересованным исследователям. «Мемориал», обсудив рабочие материалы, сделал ставку на Павлова, хотя было бы дальновиднее создать команду адвокатов. Истцом выступил Н. В. Петров, как и М. Н. Супрун ничего не знавший о профессиональной репутации рекомендованного ему юриста. В результате интересы Н. В. Петрова в суде представляли Павлов и молодой юрист из Института развития свободы информации Дарья Сухих. К сожалению, дело выиграть не удалось. И позволю себе утверждать, что на таком результате сказалась не только предвзятость суда, но и отсутствие сильной юридической команды. При всем уважении к Павлову и Сухих, пока что их нельзя отнести к маститым адвокатам. Наличие более опытного юриста в их команде наверняка оказалось бы полезно для дела. Пока же небесспорной выглядит даже стартовая позиция истцов, пытавшихся добиться отмены лишь двух пунктов тройного приказа,

хотя он юридически уязвим в значительно большем спектре положений. В идеале следовало бы добиваться полной отмены приказа.

Последствия того, что Павлову не удалось добиться успеха в Верховном суде, сказались и в деле А. В. Дударева — М. Н. Супруна. Ссылаясь на совместный приказ Минкульта, МВД и ФСБ, суд упомянул те его положения, которые были удобны в контексте обвинительного приговора. Если и анонсированное Павловым обращение в КС завершится тем же результатом, ему останется после прохождения Кассационной коллегии обращаться лишь в Европейский Суд по правам человека, для которого принцип неприкосновенности личной жизни может оказаться куда существеннее неправомерного применения статьи 137 УК по отношению к документам полувековой давности.

Пользуясь безграничным доверием своего подзащитного, адвокат Павлов, похоже, предусмотрительно забыл предупредить его о том, что в своей практике ЕСПЧ все чаще принимает решения, удобные кремлевским властям, но никак не ученым, журналистам и общественным деятелям, обвиненным в российских судах. Решения, вынесенные по искам журналиста Григория Пасько и компании «ЮКОС», вызвали неоднозначные отзывы, а иск физика Валентина Данилова лежит в ЕСПЧ без движения с 2004 года. Эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что и обращение в Европейский Суд не гарантирует ни победы, ни быстрого рассмотрения дела.

Пренебрежительно отзываясь о суде и свидетелях, Павлов оказывал сомнительную услугу не только подзащитному, но и самому себе. Его комментарии на эту тему непременно увидят и члены Конституционного суда, куда Пав-

лов обещает обратиться. И несложно догадаться, что прочитанное не будет способствовать формированию у них серьезного отношения к вносимому им иску, если адвокат станет ассоциироваться с готовностью пожертвовать интересами подзащитного ради появления в суде более высокой инстанции.

Проиграв слушания в районном суде, Павлов сдал их без боя и в областном. Ехать в Архангельск за определением районного суда он нужным не счел, хотя полковник Дударев и его адвокат В. К. Морев не наделены полномочиями получать вынесенное М. Н. Супруну определение за него. Потеря времени, сопряженная с почтовыми пересылками, привела к тому, что апелляцию в Архангельский областной суд Павлов (словно бы и не очень хотел того, чтобы его кассационная жалоба была рассмотрена) подписал лишь 16 декабря, в то время как срок ее подачи истек 19-го. На проходившие 28 февраля 2012 года в Кассационной коллегии Архангельского областного суда слушания Павлов не приехал, причем, если коллеге В. К. Мореву он заранее сказал, что 28-го появится в Архангельске, то автору этой статьи еще за несколько недель до слушаний на тот же вопрос он ответил с брезгливым пренебрежением к затее: «Зачем?» На фоне отсутствия какого-либо взаимодействия между адвокатами ничто не помешало Коллегии оставить решение районного суда в силе, хотя, по свидетельству адвоката В. К. Морева, члены коллегии кивали головами, слушая его выступление.

Павлов же по-прежнему рассчитывает на Конституционный суд и утверждает, что позиция А. В. Дударева ему не известна: «Со стороны Дударева мне никаких предложений не поступало». Эти слова, сказанные мне Павловым, иначе, как лукавством, называть нельзя, поскольку адвокат Дуда-

рева В. К. Морев просил Павлова не торопиться с подачей иска в КС, так как в случае проигрыша он может минимизировать перспективы благоприятного исхода дела в ЕСПЧ. Сложно назвать корректной позицию адвоката Павлова, который, делая вид, что ему ничего не известно о предостережениях коллеги, защищающего второго проходившего по этому делу обвиняемого, продолжает навязывать окружающим словно единственно верное свое видение перспектив в деле Дударева—Супруна.

Если Павлов, переоценив свои возможности, не сможет добиться в Конституционном суде пересмотра статьи 137 УК, это будет означать, что он не только способствовал вынесению в Архангельске обвинительного приговора, но и подыграл сторонникам запрети-

тельной информационной политики, за которыми на неопределенно долгий срок сохраняется весь инструментарий психологического воздействия на историков и архивистов.

Адвокат Владислав Быков, в 2006—2007 годах добивавшийся вместе со мной рассекречивания Архивной службой Вооруженных Сил РФ документов 1942—1944 годов в судебном порядке, заметил мне, что в случае проигрыша дела в Конституционном суде, если в дальнейшем другому исторiku будут предъявлены схожие, что и М. Н. Супруну, обвинения, «придется действовать без оглядки на КС, начиная все с чистого листа». Что ж, организаторы инквизиторского процесса над А. В. Дударевым и М. Н. Супруном не смогут и рассчитывать на больший подарок. ◆